

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Денис Проданов

Осколки осени

Денис Проданов

Осколки осени

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Проданов Д. С.

Осколки осени / Д. С. Проданов — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Книга автобиографических рассказов, передающая действительность глазами ребёнка-аутсайдера в эпоху позднего СССР и турбокапитализма 90-х. Эта книга о бедности, социальном расслоении, насилии и кризисе ценностей в России. При этом внешний распад является лишь фоном повествования. Истинное содержание книги - это пугающе честный рассказ от лица ребёнка, а затем и подростка об эмоциональной изоляции в семье, тирании отца и утрате иллюзий. Все это написано в минималистском стиле, в традиции исповедальной прозы. Книга прослеживает путь автора от раннего детства до жизни в эмиграции. Содержит нецензурную брань.

© Проданов Д. С., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Вороны	6
Баночка	7
Золото и багрянец	11
Вера	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Денис Проданов

Осколки осени

посвящается

моей матери

Вороны

Мы идём по дороге, я и она. На улице холодно. Пустынная дорожка обледенела и вокруг нас всё покрыто снегом. Впереди нас, в отдалении, виднеются гигантские трубы. Я зачарованно смотрю на них и белый дым, поднимающийся из них к облакам. Те трубы – первое, что я помню. Они стоят неподалёку от нашего дома и дымят. Трубы такие большие, что видны ото-всюду и даже самые высокие дома – карлики по сравнению с ними.

Мы движемся непонятно куда. Моя мать идёт рядом со мной. Моя рука лежит в её руке и я следую за ней вперёд, в неизвестность. Я маленький и не знаю сколько мне лет. Мать выше меня почти вдвое. Она идёт медленно, а я быстро, и когда я устаю, мы останавливаемся и делаем передышки. Иногда мы играем с ней в игру. Мать называет мне знакомое слово с буквой „Р“, а я его за ней повторяю.

Я стараюсь как могу, но выговорить „Р“ мне никак не удаётся. Она не получается у меня уже давно и звучит как хрипящая „Х“, совсем не раскатисто и не рычаще.

„Р“ – важная буква и жить без неё тяжело, поэтому сдаваться моя мать не собирается. Я повторяю за ней разные слова с буквой „Р“ по многу раз в день пока это не входит в привычку. Вот и сейчас так же. Мать поворачивается ко мне и говорит:

– Давай попробуем ещё раз. Скажи „ворона“.

– Вох-х-она.

– Вор-р-рона.

– Вох-х-хона.

– Трактор.

– Тхактох.

– Друг.

– Дхуг.

Я люблю нашу игру и готов играть в неё с утра до вечера, хотя у меня и не получается. Иногда я выучиваю какое-нибудь новое слово и тогда мать добавляет его в наш список буквы „Р“, с которым мы играем. Так мы и упражняемся.

– Метро, троллейбус, трамвай.

– Метхо, тхалейбас, тхамвай.

– Ворона, трактор, труба.

– Вохона, тхактох, тхуба...

В этот момент нас обгоняет мужчина. Он смотрит на меня и мои потуги и говорит моей матери с улыбкой: „какой у вас милый жидёнок“. И идёт дальше. Мать замедляет шаг, останавливается и смотрит ему вслед. Я спрашиваю у неё, что сказал дядя, но она молчит, только улыбается грустно. Мы продолжаем путь. Скоро мне становится скучно. Мне не хватает моей игры и я говорю: „Давай сыгшаем!“ Но мама не хочет играть. Она устала. Я начинаю дёргать её за руку и упрашивать.

– Ну пожалуйста, пожалуйста!

– Ладно, ладно, хорошо... – соглашается она наконец. „Ворона, трактор, труба.“

Я повторяю за ней снова и снова и неожиданно у меня впервые начинает получаться. Язык у меня во рту танцует как бабочка и рычит как лев. И с каждым разом я говорю „Р“ всё лучше и лучше. Нам обоим просто не верится. Мы улыбаемся друг другу и глаза моей матери сияют от радости. Она изумлённо смотрит на меня, а я на неё и мы оба чувствуем счастье.

Баночка

Баночка интересовала меня уже давно. Она стояла на столике в кухне и была наполовину наполнена таблетками. Таблетки были похожи на витамины. В середине они были пухленькие, а по краям плавно сужались и их так и хотелось потрогать. Иногда я брал баночку в руки, поднимал её и смотрел сквозь неё на свет. Стекло было тёмно-жёлтого цвета и по непонятной причине его тусклое сияние действовало на меня умиротворяюще. Я подносил баночку к уху, встряхивал её и таблетки весело позвякивали мне в ответ.

Бабушка как всегда была рядом. Её грузная фигура привычно суежилась по хозяйству около меня. Кажется, лекарства на столе принадлежали ей, но я был не уверен. Я сидел на табуретке и покачивал ногами над полом, то и дело поглядывая на заветную баночку. Бабушка собиралась готовить. Она всегда то-нибудь готовила и долгое время я был убеждён, что это её самое любимое занятие.

На плите стояла большая жёлтая кастрюля, в которой что-то булькало. Бабушка достала деревянную доску и принялась резать овощи. Потом отложила нож, вытерла руки о фартук и, сказав: „сейчас подойду“, вышла из кухни. Я повернул голову и успел увидеть, как дверь туалета за ней закрывается. Я остался один на один со своим сокровищем, и времени у меня было мало. Пора было решаться – действовать нужно было быстро. Я осторожно слез с табуретки, подошёл к двери туалета и застыл перед ней в нерешительности.

Маленькая защёлка на двери была последней преградой между мной и баночкой. Я не дыша протянул руку, ухватился за защёлку и повернул её налево. Раздался металлический щелчок и я, гордый собой, расплылся в довольной улыбке. Долго моя радость, правда, не продолжилась, потому что бабушка с беспокойством начала что-то верещать. Она говорила быстро-быстро, как пулёмёт.

– Э-эй, ты что там делаешь? А ну выпусти бабушку. Диня... Диня! Замочек поверни. Ну давай – замочек... ну чего же ты ждёшь?

Бабушка схватилась за ручку и стала трясти её туда-сюда, но дверь всё никак не поддавалась. Я застыл перед дверью как вкопанный, не зная, что сказать. Слова застряли у меня внутри, и я решил не говорить ни слова.

Постепенно тон бабушки сменился с просительного на угрожающий, потом на жалобный, а потом снова на заискивающий. Она обещала не рассказывать маме и стала описывать подарки, которые будут ждать меня в комнате, если я только открою дверь. Подарки я любил и мне очень хотелось их увидеть, ещё больше мне хотелось поиграть с баночкой. Подарки казались такими далёкими, а она – невероятно близкой и манящей. Ждать больше не было сил.

Я отошёл от двери, вошёл в кухню и забрался на табурет. Протянул руку за баночкой, открыл её и заглянул внутрь. Пухленькие таблетки ждали меня. Я высыпал их на ладонь и осторожно погладил их пальцем. Они были беленькие и гладкие и походили на маленькие подушечки. Я с нежностью посмотрел на них в последний раз и стал класть их в рот одну за другой.

На вкус они были необычные, с каким-то горьковатым привкусом. Некоторые я проглатывал, а некоторые жевал. Скоро глотать стало тяжело, я вытянул голову и посмотрел вокруг. На другой стороне стола недопитая чашка с бабушкиным чаем. Я дотянулся до неё, притянул к себе и стал жадно из неё пить. Глотать стало попроще. Я высыпал содержимое баночки на стол и не торопясь доел оставшиеся таблетки. Из туалета продолжали раздаваться жалобные причитания бабушки.

– Внучек, внучек... выпусти меня отсюда, а? Ну пожалуйста... Хочешь, я тебе за это пельмени сварю? Которые тебе нравятся... большие такие, помнишь? Ты же их любишь, правда?

Дрожащий голос бабушки всё звенел и звенел, наполняя собой всё вокруг. Внутри у меня стало непривычно тепло – тепло разливалось по телу всё больше и больше. Я уже перестал

различать слова бабушки – они стали сливаться в одно, перерастая в монотонный шум где-то вдалеке от меня. Мне захотелось спать. Глаза слипались сами собой, и всё вокруг стало медленно терять очертания.

Я с трудом ухватился за стол и стал потихоньку сползать с табуретки. Ощувив под ногами пол, я несказанно обрадовался, еле-еле вышел из кухни и на ощупь дошёл до комнаты. Потом кое-как отыскал в ней свою кровать и плавно осел в неё. Моё лицо погрузилось в мягкую подушку, и тьма приняла меня в свои тёплые объятия.

Я стал приходить в себя от звука голосов. Их было несколько, они настойчиво звенели где-то под ухом и, казалось, назло не дают мне спать. Неимоверным усилием я разлепил отяжелевшие веки и различил перед собой три силуэта. Один из них проговорил: „Кажется, приходит в себя.“

Перед глазами у меня всё по-прежнему плыло, но, напрягшись, я сумел разглядеть мужчин, одетых в белое и пристально на меня посматривающих. Я лежал на кушетке в какой-то незнакомой комнате, не понимая, что со мной происходит и как я там оказался.

Меня вдруг охватила паника, и страх моментально пронизал меня насквозь.

На мгновение человек передо мной отвернулся и взял что-то из рук другого. Потом повернулся ко мне и приблизил к моему лицу огромный резиновый шланг. При виде шланга меня охватил такой дикий ужас, что стало трудно дышать. Я отчаянно хватал ртом воздух, но он всё никак не лез внутрь. Между тем, тот, что со шлангом склонился надо мной и произнёс:

– Открой рот, скажи: „а-а“.

– А-А!!! А-А-А!!! – заорал я что было мочи.

Вслед за этим двое других за его спиной подошли ко мне вплотную. Один из них осторожно положил руки мне на ноги ниже колен, а второй – на живот. Тот, что был ближе всех, продолжал на меня смотреть, тыкать мне шлангом в лицо и говорить: „а-а“.

Капельки пота медленно сползали одна за другой из моих подмышек. Сердце бешено колотилось, а серая трубка продолжала зловеще смотреть на меня в упор. Страх всё никак не отпускал, и когда человек в белом взял меня за челюсть и попытался открыть мне рот, я обречённо подумал: это конец.

Неожиданно я стал яростно отбиваться и дёргать ногами, пытаюсь освободиться. Какой-то древний инстинкт подталкивал меня. Я дрался за свою жизнь из последних сил, нанося удары наотмашь, а когда это не помогало, царапаясь и кусаясь. В какой-то момент я достиг цели и залепил одному из силуэтов кулаком в глаз. Человек, стоящий надо мной, ослабил хватку и взвыл от боли. Его друг ошарашенно посмотрел на него, потом на меня и прокричал: „за ноги его держи – быстро!“

Тот кинулся в конец кушетки, и пока я боролся с двумя другими, отчаянно пытаюсь вырваться, схватил меня за ноги. Я ёрзал на кушетке, брыкаясь и тяжело дыша и силы медленно покидали меня. И прежде, чем я успел что-либо сделать, фигуры в белом навалились на меня, придавливая мои руки и тело своим весом. Сопротивляться было бесполезно – я был совершенно обессилен под грузом тяжёлых тел и даже не пытался больше драться.

Мне быстро зажали нос, дождались, пока я приоткрою рот, чтобы вдохнуть воздух и вставили мне что-то между зубов. Потом достали всё тот же пугающе длинный шланг и стали заталкивать мне его в горло. Тошнота подступила мгновенно. Я дико вращал глазами и издавал захлёбывающиеся, хрипящие звуки. Шланг загоняли всё дальше и дальше – по щекам у меня текли слёзы, а перед глазами всё опять куда-то поплыло.

Комнату наполнил тревожный, вибрирующий шум. Тьма снова стала наваливаться на меня и у меня больше не было сил ей противиться. Я отдал себя в её власть. Огни в комнате как по команде стали гаснуть, и вокруг меня вдруг стало совершенно темно.

Когда я очнулся, мама была уже рядом. Она сидела возле меня на кушетке и слушала человека в белом халате. Потом посмотрела на меня, улыбнулась и ласково погладила меня по голове.

– Всё хорошо, милый, не волнуйся. Всё уже позади.

Я с благодарностью смотрел на неё, не понимая откуда она появилась и что я делаю в этом странном месте. Но это было уже неважно – мама была рядом, и я был наконец в безопасности. В одночасье все мои волнения как рукой сняло. На меня снизошёл полный покой, и даже человек в белом халате меня больше не пугал. Мама поговорила с ним ещё немного, помогла мне приподняться и слезть с кушетки. Мы вышли из комнаты, добрались до выхода в конце длинного коридора и выступили в солнечный свет.

По дороге домой я вдруг вспомнил про баночку. Мысль о ней словно током меня ударила: я вздрогнул и сразу же вспомнил всё.

– Бабушка... – сказал я. „Мы должны её освободить!“

Мама засмеялась. „Освободили уже! Пока ты спал.“

Она рассказала мне о том, как они с папой вернулись домой с работы, выпустили бедную бабушку из туалета и нашли меня спящим в своей кровати. Они подумали, что я просто утомился и решили меня не будить. Но прошёл час, другой, а я всё никак не просыпался. Как родители не пытались, им никак не удавалось меня разбудить и, лишь найдя пустую баночку, они пришли в ужас и немедленно вывали скорую.

– В больница тебе сделали промывание желудка – сказала мама. „Это когда тебе через горло вставляют такую длинную трубочку в живот...“

Она прикоснулась пальцем к моему животу и медленно повела его вверх. „А потом – пшщци-и-ить – и высасывают все таблетки, которые ты проглотил... Как пылесосом. Слава богу тебя спасли, а то мы тут уже с ума начали сходить от волнения“.

Мы пришли домой и там меня заставили пообещать даже близко не подходить к таблеткам и никогда больше никого не запирасть. Потом мы сели есть, а после ужина я как всегда устроился на полу перед телевизором и стал играть со своими игрушками. Родители сидели за моей спиной в ожидании вечернего выпуска новостей. А я, забыв обо всём на свете, погрузился в свою игру.

Скоро что-то привлекло моё внимание, и я поднял голову чтобы посмотреть на экран. Там, в правом верхнем углу виднелись два фото – мужчины и женщины – и оба они показались мне на удивление знакомыми. Я заворожено смотрел на чёрно-белые фотографии, потом на диктора, который что-то говорил озабоченным тоном. Лицо у диктора было очень строгое, даже строже, чем обычно, а такое случалось не часто. Что-то было явно не так, и пока он говорил, я ловил каждое его слово:

– Безответственные родители, подвергнувшие опасности жизнь своего собственного, единственного ребёнка... Подобное поведение недостойно Советских граждан... Мы требуем ответных мер по борьбе с преступной беспечностью... Необходимо дать решительный отпор злостным нарушителям и недопустимому разгулу родительского бессердечия...

Я изо всех сил пытался понять, о чём говорит диктор, но не мог. Непонятных слов было слишком много, и я решил сосредоточиться на фотографиях. Женщина на экране невероятно походила на мою маму, а дядя – на отца. Всё это казалось совершенно невероятным, но я был уверен – ошибки быть не могло.

– Ма, па – вы в телевизоре! – закричал я.

Я обернулся к ним, предвкушая, как они обрадуются, но они совсем не были рады. Их лица как-то напряглись и осунулись. Оба они с тревогой смотрели на экран, не говоря при этом ни слова. Наступила нервная тишина. Я непонимающе смотрел на родителей, ожидая взрыва веселья, но ни взрыва, ни веселья не было.

– Вот здорово! – не выдержал я. „Теперь вся страна о вас узнает...“

– Да... – задумчиво проговорила мама. „Это уж точно.“

Я озадаченно посмотрел на неё несколько мгновений, перевёл взгляд на притихшего отца и, не дождавшись ответа, вернулся назад к своей игре.

Золото и багрянец

Стояла осень, моё любимое время года. Красно-жёлтые листья летели повсюду. Они осыпались с ветвей деревьев и кружились в воздухе в безмолвном танце. Ветер подхватывал их и нёс за собой всё дальше и дальше. И они следовали за ним, отдавая себя в его волю, доверяя ему до конца. Дворники шли по улицам и дворам и мели листья, но скоро на их место прилетали новые, а за ними ещё и ещё.

Листопад всё никак не кончался, и в этой вечной битве дворники неизменно проигрывали и уходили домой побеждёнными. Иногда, словно пытаясь отомстить за потраченные впустую дни, они собирали сухие листья во дворе и поджигали их. Весёлое пламя поглощало всё без разбора. И дым от него поднимался вверх, к самым крышам домов, уносясь всё дальше в небо.

Мы жили на севере города. Мой мир ограничивался нашей маленькой квартирой, двором у дома и школой, в которую мне предстояло пойти в первый раз. Наш дом стоял на бульваре Матроса Железняка. Тот находился где-то в районе Войковской, но что располагалось дальше, за его пределами я не знал.

Раньше мысль о школе пугала меня и наполняла предчувствием беды. Я боялся, что в школе всё будет так же, как в детском саду, куда меня отдали в три года и где я был так несчастлив. Я постоянно плакал и просился домой, но домой меня почему-то не забирали. Время тянулось бесконечно долго, и тоскливые, серые дни заполнялись сном и едой, указаниями нянек и прогулками во дворе.

Я скучал без моей матери, и часто сидел у окна, наблюдая жизнь за бетонным забором в ожидании, что она придёт и заберёт меня к себе. В конце концов, спустя целую вечность, она пришла, и я смог спать в своей собственной постели, а не на одной из двадцати скрипучих коек, стоящих друг за другом в ряд.

Когда я узнал, что мне больше не придётся возвращаться в детский сад, я был вне себя от счастья. Дом по сравнению с ним казался раем, а возможность оставаться в нём – настоящим чудом. Мне было жаль всех детей, которые остались жить в его холодных стенах и иногда, вспоминая о них, я чувствовал себя самым везучим ребёнком на земле.

Я вернулся к своим игрушкам и книгам, детской площадке во дворе и прогулкам с мамой. Всё снова вошло в привычный ритм, и скоро воспоминания о детском саду поблекли и стали казаться далёким страшным сном.

Я успел привыкнуть к нашему новому дому. До этого мы часто переезжали с места на место, и я не раз слышал, что за свою короткую жизнь я успел сменить двенадцать квартир. Я не понимал, для чего нам нужно было постоянно переезжать, но число двенадцать почему-то наполняло меня тайной гордостью, и я не возражал.

Читать я научился очень рано, незадолго до детского сада и лихорадочно пожирал одну книгу за другой, готовясь к поступлению в первый класс. Первое сентября в школе было большим событием, и я много раз пытался представить себя, как всё будет. Я не знал точно, что от меня меня будут ждать в школе и на всякой случай решил прочитать, всё, что только было можно.

Когда первое сентября наконец наступило, я с лёгким волнением собрал тетради и учебники в ранец и отправился с мамой в школу. Школа моя находилась совсем рядом, на другой стороне бульвара, и у входа в неё собралась большая толпа детей и их родителей. Там же стояли и учителя, державшие в руках таблички с номерами классов. Настроение у всех было радостное и оживлённое – люди махали красными флажками, воздушными шарами и транспарантами.

Всё это было для меня в новинку: раньше я видел подобное только на празднованиях Великого Октября и на Первомайских демонстрациях. Но я быстро освоился и начал осматривать своих будущих одноклассников.

Атмосфера в этот день была на редкость волнующей. Нас разбили на классы и построили в линейку. И после окончания торжественных речей директора и завуча мы попрощались с родителями и пошли в класс вслед за своими учителями. Наша учительница сразу мне понравилась. Лицо у неё было добрым и приветливым и она нисколько не походила на воспитательниц в моём детском саду. Моя учительница также была молодой и красивой, и я был ей настолько очарован, что уже первого дня готов был остаться в школе навсегда.

Когда нас рассадили по партам, каждого ребёнка попросили представиться и рассказать немного о себе. Я смотрел по сторонам и слушал – всё было интересно и необычно и мне не терпелось узнать всех поближе и поскорее начать учиться. Я так долго ждал этого дня, что не мог дождаться минуты, когда можно будет наконец показать, как быстро я умею впитывать знания.

Потом настал мой черёд говорить о себе. Я рассказал, как меня зовут и что мне шесть, но скоро исполнится семь. Я также рассказал о том, как люблю читать, рисовать и слушать пластинки. А ещё поэзию Серебряного Века.

– Поэзию Серебряного Века? – удивлённо спросила учительница.

– Да... Ахматова, Цветаева, Блок... Есенин, Мандельштам, Гумилёв...

Учительница недоверчиво посмотрела на меня, потом сказала:

– И какое же стихотворение тебе нравится больше всего?

– „Бессонница“ Цветаевой, не задумываясь ответил я.

Вот опять окно,
Где опять не спят.
Может – пьют вино,
Может – так сидят.
Или – просто рук
Не разнимут двое.
В каждом доме, друг,
Есть окно такое...“

Учительница улыбнулась мне своей тёплой улыбкой и сказала: „хорошее стихотворение... Мне оно тоже нравится.“ Глаза у меня загорелись, и я чуть не растаял на месте от удовольствия. Теперь ради неё я был готов декламировать стихи часами. Я быстро проговорил: „я ещё люблю Маяковского“ и выдохнул на одном дыхании:

И вот,
Громадный,
Горблюсь в окне,
Плавлю лбом стекло окошечное.
Будет любовь или нет?
Какая -
Большая или крошечная?
Откуда большая у тела такого:
Должно быть, маленький,
Смирный любёночек.
Она шарахается автомобильных гудков.
Любит звоночки коночек.

В этот раз учительница рассеянно улыбнулась и посмотрела на меня, словно задумавшись о чём-то. Она помолчала мгновение, другое, неуверенно окинула взглядом класс и перешла к следующему ученику, сидящему за мной.

К концу дня я понял, что все мои волнения были напрасны – я знал всё, что нужно было знать для начальной школы и даже гораздо больше. Я давно прочитал всё, что было написано в учебниках и хотел поскорее узнать, что будет дальше. Я с головой ушёл в учёбу, и всего за пару недель настолько привык к школе, моей новой учительнице и занятиям в классе, что едва мог представить свою жизнь без них.

У меня появились друзья, и на переменах я носился с ними по коридорам как угорелый. Мы вместе играли с ними после уроков у здания школы, и я испытывал огромную радость, проводя с ними всё своё время. Мы смеялись, бегали друг за другом в листве и наслаждались жизнью.

Учёба удавалась мне на удивление легко. Не прилагая никаких усилий, я успевал по всем предметам. Энергия била во мне через край, и каждый день казался невероятно красочным и полным событий. У меня впервые были одноклассники, которые с радостью ждали моего прихода каждый день. И порой я и сам не мог поверить в свою удачу. Я любил осень, и она словно специально для меня стояла и никак не кончалась. На занятиях физкультурой наш класс бежал стометровку по бульвару, и я неизменно приходил первым. Я был без ума от своей учительницы и она тоже души во мне не чаяла, выделяя меня из остальных.

И так было во всём. Я был словно на гребне волны, и это казалось магией. Мне больше не нужно было мечтать, потому что жизнь сама превратилась в мечту, и всё в ней было так, как надо. Не знаю почему, но мне вдруг и этого стало мало. По какой-то необъяснимой причине мне захотелось всерьёз заняться спортом. И не просто спортом, а лёгкой атлетикой. Откуда это взялось, никто не знал, но я с неуклонной настойчивостью стал просить маму отдать меня на вечерние занятия в спортивную секцию.

Я твердил об этом без умолку изо дня в день. И скоро я настолько достал мать своим нытьём, что она наконец согласилась. На следующий день после этого мы отправились с ней в спортивную школу, здание которой находилось неподалёку от нашего дома. Я едва мог дождаться того момента, как мы войдём внутрь и нетерпеливо шёл навстречу своей судьбе, проворно передвигая ногами.

Наконец мы дошли до аккуратно отделанного здания и вошли внутрь. Справа от прихожей была дверь и, пройдя сквозь неё, мы оказались в гигантском зале с высоченным потолком. Повсюду стояли спортивные тренажёры: козлы, турники и другие, назначения которых я не знал. На полу лежал батут, а вдоль стены стояла огромная шведская лестница. Рядом с тренажёрами стояли группы детей, а возле каждой из них – их тренер.

Все вокруг были чем-то заняты, пока я, не отрываясь, следил за происходящим, мама спрашивала у людей, к кому именно нам следует обратиться. Ей показали пальцем на одного из тренеров и, оставив нашу одежду на скамейке, она повела меня к нему и его группе. Мы подошли ближе, и после недолгого разговора с матерью тренер сказал:

– Мне очень жаль, но приём на этот год уже закончен.

Он произнёс это таким твёрдым тоном, что внутри у меня всё похолодело. Я растерянно посмотрел на маму. Она медленно кивнула головой, но не сдвинулась с места. Казалось, она неторопливо что-то обдумывала и даже не собиралась никуда уходить.

– Он очень настойчив – наконец сказала она. „Испытайте его... и если он не справится, мы вас больше не побеспокоим“.

Несколько секунд тренер пристально смотрел на мою мать, потом на меня. Затем он шумно вздохнул, указательно вытянул руку по направлению к центру зала и сказал мне:

– Видишь тот чёрный канат? Я хочу, чтобы ты снял обувь и быстро забрался по нему под самый потолок. Время пошло.

Я мгновенно скинул ботинки, подбежал к мягким матам, и, ухватившись за черный канат, и с проворностью обезьяны стал карабкаться вверх. На полпути наверх я услышал окрик тренера: “теперь одними руками!” и продолжил уже без ног. Это было тяжелее, но я не останавливался ни на секунду, продолжая подтягиваться всё выше и выше. Забравшись на самый верх и, глянув вниз, я чуть не упал – настолько высоко я был над полом.

На мгновение меня пробила холодная дрожь. Я зажмурился, стремительно соскользнул по канату вниз и, подбежав к тренеру, с надеждой заглянул в его глаза.

– Ты принят – сказал он, чуть помедлив и заговорчески мне улыбнулся.

Я был на седьмом небе от счастья. Большого от жизни и требовать было нельзя. Уже на следующей неделе я стал регулярно ходить на занятия в спортивную секцию и скоро стал делать большие успехи. Тренер стал хвалить меня и прочить мне большое будущее. Я согласно кивал головой, уверяя его, что всё это пустяки и я могу ещё лучше.

Я шёл домой, делал уроки и ложился спать. И, засыпая, я ждал наступления завтра – так, словно оно готовило для меня что-то незабываемое. Словно каждый новый день был моим днём рождения.

Вскоре осень подошла к концу. Наступила снежная зима с сугробами и морозами, а за ней и долгожданная весна с её оттепелью и нежным солнцем. Я как и раньше ходил в школу, стараясь узнать как можно больше и играя с друзьями после занятий. За последнее время мы очень сблизились и нам было необыкновенно хорошо в компании друг друга. Мне хотелось, чтобы ничего никогда не менялось, и мы всегда могли быть вместе. Впереди у нас ещё были долгие девять лет школы. Это казалось вечностью и я был уверен, что что бы ни случилось, всё будет так, как было раньше, и мы никогда не расстанемся.

Я ошибался. Вскоре я узнал от родителей о том, что мы снова переезжаем – в этот раз на другой конец города. Будущая квартира находилась где-то на юго-западе, моя новая школа – там же, неподалёку, а за оставшееся до каникул время я мог доучиться в своём классе и проститься со всеми.

Новость о скором переезде сразила меня наповал. Она была настолько неожиданной, и я был настолько растерян, что, казалось, пол выбили у меня из-под ног. Только что я узнал столько замечательных людей и вот – мы уедем и я их больше не увижу. Мой подбородок задрожал, а глаза наполнились слезами. В горле у меня застрял огромный ком, и я затряс головой, повторяя снова и снова:

– Нет, нет, нет... я не хочу... мои друзья, учительница, тренер... всё, что у меня есть – здесь... мы не можем уехать... это нечестно.

Моя мать принялась меня утешать. Она пообещала, что это будет наш последний переезд, что на новом месте будет ещё лучше, а новая школа мне обязательно понравится. Она была уверена в том, что я быстро найду себе новых друзей, и после этого всё будет по-старому.

– Это хорошая школа, сказала она. „Специализированная, с уклоном на изучение иностранных языков. Нам с отцом с трудом удалось тебя туда устроить... Не переживай так – вот увидишь: тебе на новом месте ещё больше понравится...”

Я не хотел ничего слушать и продолжал реветь. Весь мой мир рухнул от одного прикосновения, и его останки обрушились прямо на меня. Я был раздавлен и не хотел уже больше ничего. Яркие цвета вокруг поблекли, музыка утихла, а распустившиеся растения увяли. Магия исчезла из моей жизни, и я остался один среди руин.

Я знал, что начиная с этого момента всё изменится к худшему, и в моей жизни ничего уже не будет так, как раньше. Несколько раз я отчаянно пытался спорить с родителями и объяснить, что я не могу больше переезжать, но толку от этого было никакого. Каждый раз я

наталкивался на стену непонимания. Меня лишь уверяли, что всё будет хорошо, за языками будущее, и когда-нибудь я обязательно это пойму и буду благодарен.

Конец учебного года прошёл как в тумане. Я как всегда продолжал занятия и тренировки, но радость и азарт покинули меня. Мне стало всё равно. Я знал, что как ни крути всё скоро кончится, и, значит, стараться больше не имело смысла. В дополнение к этому я узнал, что вряд ли смогу продолжить своё увлечение спортом. В новой школе мне будет не до этого, да и тренироваться в новом районе будет негде.

Времени до каникул оставалось всё меньше. Я был по-прежнему безутешен, и потерянно ходил повсюду словно тень. Мысль об отъезде висела надо мной как тёмное облако и преследовала меня днём и ночью. Единственное, что хоть как-то ещё меня успокаивало, были моя друзья. Мы проводили друг с другом почти всё время и успели стать совершенно неразлучными. Мы гуляли во дворе и увлечённо рассказывали друг другу как всё будет, когда мы вырастем, закончим школу, и я вернусь назад. Мы обещали оставаться прежними, не забывать друг друга, и я был убеждён, что ничто на свете не помешает нам встретиться снова.

Вскоре после этого наступили летние каникулы, а с ними и наш переезд. Всё это время дурные предчувствия не оставляли меня ни на минуту. На душе было пусто. Незадолго до переезда я нехотя принялся укладывать свои вещи вместе с родителями. А когда всё было наконец готово, за нами приехала большая машина и увезла нас вместе с мебелью и коробками.

Мы ехали всё дальше и дальше. И пока знакомые улицы проносились мимо меня, я думал о всём том, что остаётся у меня позади. Мы едва успели выехать из нашего района, а я уже был готов выпрыгнуть из машины на ходу и побежать обратно. Не знаю, что меня остановило – вместо этого я с тоской смотрел на дорогу и не двигался с места. Машина везла меня на юг, а все дети, которых я успел узнать и полюбить, оставались на севере, и расстояние между нами увеличивалось с каждым мгновением. Мне предстояло научиться жить без них, и хотя я продолжал надеяться на встречу, её так и не произошло. В тот день началась моя новая жизнь. Своих друзей я никогда больше не увидел.

Вера

Сколько себя помню, моя мать всегда была верующей. Религия для неё была выражением её свободы. Всю свою жизнь она жила в несвободной стране, и Бог для неё был противоположностью государства. Он был добр и всепрощающ в то время, как государство было безжалостно и злобно. И чем сильнее государство подавляла религию и церковь, тем сильнее верила моя мать.

Больше всего она не хотела, чтобы я становился таким, как все – бездуховным и серым. Она не хотела, чтобы государство во мне победило. Сама эта мысль была для неё невыносимой. Моя мать не могла этого допустить, и она вовремя начала принимать меры. Целью всех этих мер было одно: обратить меня в свою веру.

С раннего детства мать вела со мной разговоры о Боге, религии и Библии. Ребёнком я чувствовал, что для неё это очень важно. Я не понимал, почему, но осознал, что мать возлагает на меня большие надежды и старался как мог. Я с трудом продирался сквозь дебри Старого и Нового Завета, пытаясь понять их смысл и разгадать значение таинственных фраз. Я учил молитвы на старославянском и думал, о Боге, пытаясь его себе представить.

Шло время и я неумолимо карабкался по лестнице веры. Годам к восьми я успел стать убеждённым маленьким христианином. Как-то раз на уроке в школе учительница спросила у нас во что мы верим. Все стали тянуть руки вверх и отвечать. Потом очередь дошла и до меня. Наша классная руководительница, Вера Валентиновна, спросила:

– Ну а ты, Денис? Во что ты веришь?

Я немного подумал и сказал:

– Я верю в Бога.

На несколько секунд в классе повисла мёртвая тишина, а потом все оглушительно засмеялись. Смеялись так, будто я рассказал самую смешную шутку на земле, словно ничего смешнее сказанного мной и быть не может.

Я смотрел на мою учительницу, не понимая, что происходит. Она выглядела озадаченной: вся как-то изменилась в лице, глаза застыли, а на губах заиграла неуловимая улыбка. Наконец Вера Валентиновна пришла в себя и сказала:

– Ну всё, хватит уже, успокойтесь! Посмеялись – и будет!

В классе стало поспокойней. Потом сзади кто-то крикнул:

– Любой дурак знает, что бога нет!

– Нет есть! – упрямо упёрся я. „Бог есть – я точно знаю!“

Вокруг опять поднялся шум и гам. Дети смеялись и отпускали в мой адрес оскорбительные ремарки и остроты. На этот раз учительнице это окончательно надоело. Она громким голосом проговорила:

– ТИХО!!! Я хочу, чтобы все в классе замолчали! Пусть Денис расскажет нам, почему он верит в бога, а мы послушаем. Давай, Денис, – не стесняйся.

Все быстро поутихло, приготовившись слушать. Я уже не помню, что им там говорил, но говорил я довольно долго. Когда я замолчал, учительница странно на меня посмотрела. Потом сочувственно улыбнулась и спросила:

– А родители у тебя тоже верят в бога?

– Да, мама верующая, а папа так, не очень...

– Понятно – задумчиво проговорила она.

Через пару дней моих родителей вызвали в школу. Я так и не узнал, о чём с ними говорили, но подозревал, что их тоже расспрашивали о Боге и ещё немножко обо мне. Вскоре после этого всё снова улеглось и постепенно вернулось в старое русло. Тема веры в школе больше не поднималась, но тот короткий эпизод надолго осел в моей памяти.

Казалось, в тот день я, сам того не подозревая, пересёк какую-то невидимую черту и ступил на запретную территорию. Это сбивало меня с толку. Раньше со мной ничего подобного не случалось, и я не понимал, что сделал не так. Я лишь смутно осознавал, что всё это было как-то связано с Богом и тем, как все на меня смотрели, когда я говорил о нём. На меня пялились как на сумасшедшего, свалившегося с луны, как на диковинную обезьянку в клетке зоопарка.

Это было удивительно. Мне никогда не приходило в голову, что люди могут так себя повести, если рассказать им, во что я верю. Но это было именно так. В моей школе, да и во всей стране, не было места для Бога. Он был там просто не нужен, и каждый, кто говорил обратное, мгновенно превращался в посмешище.

Некоторое время спустя мать впервые стала брать меня с собой в церковь. Это случалось нечасто, как правило в один из выходных. Вставать приходилось рано, я с трудом открывал глаза, спускал ноги с кровати и устало плёлся в ванную умываться. По утрам мне обычно хотелось есть, но завтракать перед службой запрещалось, нужно было поститься и есть я мог только по возвращении.

Мы ехали в центр, встречались там с Надей, моей крёстной, и шли в православный храм. В храме было очень тихо и спокойно. Атмосфера там была очень непривычная – она в корне отличалась от всего того, что я знал и видел снаружи. В храме горели свечи, пахло благовониями и царил дух отрешённости. Вокруг меня всё шло по заранее известной колее: каждый из прихожан знал своё место и что нужно делать.

Первое, что мне бросилось в глаза – это то, что на протяжении всей службы нужно было стоять. Служба длилась около трёх часов, и за это время я безумно уставал. У меня быстро начинали болеть спина и ноги. Вдобавок к этому мне становилось невыразимо скучно. Я не привык стоять так долго без дела и никак не мог найти себе места.

От нечего делать я смотрел по сторонам. У всех женщин, как и у моей матери на голове, была косынка, в то время, как мужчины стояли с непокрытой головой. В храме было много старух и мало детей. Люди вели себя тихо и переговаривались друг с другом только шёпотом.

Священники сильно отличались от всех остальных. Они все без исключения носили бороду и, казалось, что чем старше они были, тем длиннее была их борода. Они говорили с расстановкой, придавая словам вес и вели себя очень чинно. Все священники держались так, знали что-то, чего не знали мы. Будто они лично были знакомы с Богом и общались с ним каждый день. Священники строго смотрели на взрослых и детей и выглядели очень сурово. Они были одеты в длинные сутаны и носили на голове высокие чёрные шапки необычной формы. На груди у каждого висел огромный серебряный крест и обращаться к ним нужно было не иначе, как „батюшка“ или „отец такой-то“, прибавляя затем его имя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.